

АННА Ш.

**ЗЕРКАЛО
С КРОВАВЫМИ
РАЗВОДАМИ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

18+

Анна Ш.

Зеркало с кровавыми разводами

«Автор»

2023

Ш. А.

Зеркало с кровавыми разводами / А. Ш. — «Автор», 2023

2040 год. Более миллиона человек на львиной доле Земли за считанные дни становятся жертвами неизвестных. Чаще всего нападавший прыскает в них из баллончика с трудно смываемой краской, обливает кофе или другим горячим напитком; реже ломает руки или причиняет более тяжкий вред здоровью. На первый взгляд, пострадавших связывает только то, что все они старше 18 лет. Собираются ли злоумышленники заявлять о своих требованиях, и удастся ли их остановить раньше, чем мир задохнется от ужаса и хаоса вынужденной миграции? Неудачливый блогер Марк, оказавшийся свидетелем одного из первых нападений, и его девушка Лиза начинают собственное расследование.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
Часть первая	6
1. Преступления	6
2. Первые подозреваемые	11
3. Мотив	20
4. Жертвы: реальные и потенциальные	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Ш.
Зеркало с кровавыми разводами

ДИСКЛЕЙМЕР

Все персонажи, события, компании и их руководители являются вымышленными. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Часть первая

1. Преступления

Еще вчера наиболее тепличные растения опасались расставаться с пуховиками. Сегодня плавился асфальт, в магазинах осталось только самое дорогое мороженое, одежда прилипла к телу. Счастливики, привыкшие круглый год носить под свитером или пиджаком футболку, дышали чуть свободнее, разгуливая как летом. Остальные молились всем Богам, чтобы добрести до помещения с отменным кондиционером или дожить до окончания этого странного дня. Синоптики прогнозировали аномальные восемнадцать градусов тепла, но по факту воздух прогрелся до двадцати восьми в тени. Апрель превратился в июльское пекло. Северная столица без зазрения совести становилась южной.

«Всему виной глобальное потепление», – говорили одни.

«Не все ли равно? Витамина D всем в России катастрофически не хватает, так что радуйтесь», – парировали другие.

Это уголовное дело имело все шансы стать обыкновенным всяком: по горячим следам не удалось найти ни улик, ни мотивов, ни подозреваемых. Потерпевшие – семейная чета из Петербурга. Он начинающий разработчик, она фрилансер: изготавливает на заказ пирожные и торты ручной работы. У обоих ни проблемных родственников, с которыми они делят имущество, ни теневых заработков, ни сомнительных хобби, ни влиятельных врагов, ни бурной личной жизни.

Но неизвестный – по словам сына и дочери пострадавших, парень лет восемнадцати-двадцати – напал на их родителей с ножом, ранив в живот поочередно обоих, когда они вместе со своими детьми шли из торгово-развлекательного центра на окраине города к автомобилю, припаркованному в одном из ближайших дворов с «брежневками». Почему они не оставили машину на парковке? Решили сэкономить, так как подземный паркинг бесплатен только для тех, кто совершит покупки на сумму от 30 тысяч рублей. Или будь добр оплатить парковку. Конечно, они могли бы себе это позволить, но, как известно, копейка рубль бережет. А в том злополучном дворе, как назло, камер не было.

Жертвы выжили и находятся в больнице, но врачи допрашивать их пока не разрешили. Девятилетняя дочь потерпевших рассказала, что злоумышленник ничего не пытался у них украсть, ничего не требовал, и раньше она его никогда не видела. Ее шестилетний брат пообщаться с полицией не успел: после пережитого стресса мальчик разучился говорить.

Тем не менее это уголовное дело оказалось не всяком отдельной следственной группы, а первой ласточкой здоровенной занозы в заднице у правоохранительных органов практически по всему миру. Экран в рабочих кабинетах то и дело краснел, наполняясь все новыми точками на карте большей части Земли. Все пострадавшие, уже обратившиеся в полицию и способные по своему состоянию здоровья дать показания как один повторяли слова девочки: преступник – парень восемнадцати-двадцати двух лет, не пытался ничего украсть, ничего не требовал, не объяснял мотивов своих поступков, не домогался и не пытался их изнасиловать. Раньше потерпевшие его никогда не встречали. Все жертвы старше восемнадцати лет. В основном их атаковали, когда они гуляли в парках, шли по пустынным газонам, между гаражами, во дворах и прочих общественных обычно малолюдных местах, где нет камер или они не работают. Почти всегда нападали на кого-то одного, даже если пострадавший шел в компании друзей или родственников, но изредка доставалось сразу нескольким близким, как, например, этой паре из Петербурга. Некоторым сломали или вывихнули руки или пальцы, другим наносили

черепно-мозговые травмы, ножевые или огнестрельные ранения, но пока никто из пострадавших не скончался.

Преступления все больше походили на международную серию, но оставалось совершенно неясно, как злоумышленники связывались друг с другом. Ни в законном сегменте Интернета, ни в даркнете никаких зацепок пока найдено не было. Не могли же правонарушители и в самом деле общаться между собой силой мысли? С истинным мотивом тоже все глухо, хотя версия социальной справедливости от безысходности называлась приоритетной. Ни одного из подозреваемых – хотя, скорее всего, они только пешки – задержать не удалось.

По кабинетам органов все отчетливее звучал испуганный шепот, журналистам и общественности решили сегодня ничего не говорить, так как выводы были слишком сырыми, а совещания в Интерполе стали ежечасными.

***

В тот страшный и жаркий день, когда еще никто, кроме правоохранительных органов, – хотя и те сложили далеко не полную мозаику произошедшего – не знал, что случилось, наиболее отчаянные петербуржцы мужского пола оголялись по пояс. Марк счёл, что это перебор, а потому лишь расстегнул верхние пуговицы рубашки и закатал рукава. Свернул в парк: там не так люто бесчинствовало солнце.

Кажется, неизвестный выбежал из-под тени ветвей троицы увесистых старых дубов. Марк издали смог разглядеть только силуэт хулигана. Приблизившись к тропинке, по которой спокойно шел тучный мужчина средних лет, нападавший прыснул в него из баллончика с синей краской. Еще мгновение – и правонарушитель скрылся за поворотом так же молниеносно, как появился.

– Да что же делается? Среда бела дня... – запричитала старушка в ситцевом платье, вставая со скамейки, стоящей практически сразу за местом происшествия.

В отличие от офисных клерков, студентов и школьников, на улицу она вышла после обеда, поэтому оделась более-менее по погоде, понимая, что ее там ждет, а потому чувствовала себя сейчас весьма бодро.

– Вы как? – с сочувствием поинтересовалась она, обращаясь к жертве. – Может, скорую?

– Да я в порядке, – ответил Игорь, с досадой и недоумением рассматривая свои вещи и машинально пытаясь избавиться от грязи.

В лицо краска, к счастью, не попала, но на его рубашке, брюках и пиджаке, который он, как и многие сегодня, нес в руке, виднелись синеватые подтеки разных размеров.

– Костюм еще можно спасти, – пожилая женщина протянула ему пачку одноразовых бумажных платков и наполовину опустошенную бутылку питьевой воды.

Поблагодарив, Игорь принялся – тщетно, конечно, – оттирать краску. Делал он это скорее для вида, так как старших его учили уважать, но ему быстро это надоело, и он вежливо заметил, что все это не имеет смысла. По крайней мере, уж обыкновенной смоченной салфеткой пятна точно не вывести, а никаких более эффективных средств ни у него, ни у старушки не нашлось.

Когда к скамейке, ускоряя шаг, подоспел подтянутый тридцатилетний Марк, по случайности оказавшийся рядом и предъявивший пенсионерке фальшивое удостоверение следователя Следственного Комитета, Игорь уже скрылся из вида. По словам пожилой свидетельницы, мужчина спешил, костюм собирался сдать в химчистку, а заявление в полицию, несмотря на все ее увещевания, он писать не хотел. Ни потерпевшего, ни правонарушителя Василиса Николаевна раньше никогда не встречала, записать номер телефона пострадавшего не догадалась, сама жертва нападавшего тоже не припомнила, но особого зла, по словам свидетельницы, на него не держит и считает, что это просто весеннее обострение у шизофреника, тем более в такую погоду у любого мозга могли расплавиться. По словам очевидицы, нападавший ничего не кричал и не требовал. Правонарушителя пенсионерка мельком видела, но ничего примечательного не запомнила.

– Обычный такой юноша, восемнадцати-двадцати лет, одет, как все, ну как молодежь сейчас ходит: джинсы, кроссовки, толстовка... Лицо я разглядеть не успела, увы, – объясняла она слегка виновато. – А, еще вспомнила: у него на голове капюшон был и роста он такого... Как Гитлер.

– Низкого? – уточнил Марк, держа включенным диктофон в смартфоне.

– Да, конечно. Что же вы историю не знаете? И волосы такие же, и глаза точь-в-точь.

– Так как же Вы узнали, какого цвета у него волосы, если он в капюшоне был?

– Ой, не знаю, не знаю... – Василиса Николаевна озадаченно вздохнула. – И действительно, померещилось, что ли, погода-то какая... Да Вы не слушайте меня, не помню я... Вы уж простите меня... Но глаза – вот точно, как у Гитлера, один в один.

– Голубые?

– Ну, это уж я не знаю, я же без очков, как же я могла разглядеть? Вот доживете до моих лет, поймете. Но взгляд такой холодный и искусственный как будто... Так и запишите, – действительно подытожила она. – Больше ничего не помню. Но, надеюсь, еще вспомню. Вы мне позвоните, я обязательно к вам в управление подойду.

В парк въехал полицейский патруль на лошадях, и Марк, слегка суетясь, поспешил распрощаться со свидетельницей, быстро записав ее номер телефона, скороговоркой поблагодарил и пообещал, что его коллеги пренебреженно пригласят ее на допрос, а преступник будет найден и наказан.

Василиса Николаевна, конечно, не знала, что, скорее всего, стала свидетельницей мелкого хулиганства, за которое согласно Кодексу об административных правонарушениях предусмотрен штраф или арест, поэтому то, что неизвестного сразу назвали преступником, и им займется сам Следственный Комитет даже без заявления пострадавшего, ее ни капельки не насторожило.

***

Марк с помощью голосовой команды открыл входную дверь и вошел в прихожую.

– Как собеседование? – спросила Лиза, стройная светловолосая девушка лет тридцати, поцеловав мужчину.

– Никак, – угрюмо буркнул он. – Но нашел фактуру для нового расследования, – добавил он и с энтузиазмом рассказал ей о нападении в парке.

– Может, ты лучше найдешь себе нормальную работу?

– Блогер-расследователь – это нормальная работа, – пытаюсь говорить как можно более убедительно, возразил он, подходя к двум стоящим на письменном столе в комнате мониторам.

– Только тебе почему-то за нее не платят ни копейки... Мне уже надоело объяснять родственникам и подругам, почему у нас постоянно нет денег.

– Послушай. – Его голос дрогнул. – Ты же понимаешь, что времена изменились...

– Но люди как-то находят работу, – констатировала факт она.

– Так я пытаюсь работать сам на себя...

– Ключевое слово: «пытаюсь».

– Малыш, не заводись, пожалуйста, я обещаю, что в этот раз все получится, и после успешного завершения проекта мы слетаем в Тай или куда ты хочешь...

Марк приобнял ее, но Лиза раздражено увернулась от его прикосновений.

– Я это слышала уже много раз, – она открыла шкаф-купе и вытащила оттуда чемодан.

– Что ты делаешь?

– А ты не видишь? – Лиза принялась упаковывать его вещи.

– Мне же некуда идти.

– Это не мои проблемы. Я тоже не семи пядей во лбу, но все-таки нашла работу репетитором и пока держусь. Да, я не получаю миллионы, но хоть что-то... Марк, я работаю, а ты

только то учишься, и это все оказывается без толку, то осваиваешь фриланс и странные профессии, которые никому не нужны...

– Ты с двух лет ходила в садик с углубленным изучением английского. Немудрено, что с такими родаками и ежегодными поездками в языковые лагеря ты хоть что-то нашла.

– А тебе кто мешал учить тот же английский?

– Так с семи лет уже бесполезно... – обреченно ответил Марк.

– Ну-ну. Очень удобно объяснять собственные неудачи тяжелым детством. Есть масса парней, которые так же, как и ты, выросли в детдоме, пережили порой гораздо более жуткие события, чем ты, но они находят работу, часто делают головокружительную карьеру, а ты только хочешь, чтобы тебя все жалели. До старости тебя надо будет жалеть или как? – Лиза повысила голос.

– Пожалуйста, дай мне шанс, я клянусь, что в этот раз не разочарую. – Марк воодушевленно принялся что-то набирать на клавиатуре компьютера, в углу которого стояли дата и время: 20:42, 07.04.2040.

– Не раскопаешь хоть что-нибудь за сутки, пеняй на себя, – сказала она, уходя в душ. – И спишь сегодня на диване на кухне.

***

Стрелки часов неумолимо приближались к маленькому Судному дню. Лиза успела разучить с четырехлетним сыном специалиста по машинному обучению весь английский алфавит, помогла с домашней работой первокласснице, чья мама трудилась IT-рекрутером, и сходила на три собеседования, чтобы найти новых клиентов. Два из них согласились на сотрудничество.

Марк двадцатый час, не считая короткий перерыв на быстрый сон, страдал над кодом: его слабых знаний языков программирования не хватало ни на что серьезное, а обыкновенный поиск ни в Сети в целом, ни в даркнете, не давал никаких зацепок.

– Нашел что-нибудь? – Сняв верхнюю одежду и разувшись, Лиза подошла к Марку.

Апрель сегодня вспомнил, что он апрель, у метеозависимых шалило давление, а куртки снова почувствовали себя востребованными.

От неожиданности Марк даже вздрогнул. Не думал, что время пролетит так быстро.

– Работаю, – неопределенно ответил он.

– Ура! Вот, посмотри. – мужчина подвинул один из мониторов ближе к Лизе.

Она села на колени парня. Перед ее взором открылась интерактивная карта мира, на которой в разных местах были проставлены какие-то красные точки.

– Ты нашел карту планеты? – Она злорадно усмехнулась. – Долго искал? – Ее глаза наполнились яростью.

– Да нет же, тут обозначены все населенные пункты, в которых за последние сутки произошли подобные преступления. Лиз, они повсюду. Действует международная банда.

– Я счастлива, – с сарказмом ответила она. – Это эксклюзив? Сам хоть сделал? Отшли это в СМИ, пусть гонорар тебя заплатят, и ты прекратишь заниматься этим раз и навсегда.

– Нет, это не получится продать, к сожалению... Это же просто визуализация из баз данных по мониторингу СМИ и социальных медиа...

– Чудесно... Ты почти сутки трудился над тем, на чем нельзя заработать. Переформулирую вопрос: какого фига? Ищи нормальную работу.

– Да это и есть нормальная работа. – Он прикусил губы. – Например, вот в Техасе произошло восемь таких преступлений на 100 тысяч человек, а в Осло всего одно подобное преступление на 100 тысяч человек. Понимаешь, к чему я клоню?

– О, да. В США уровень преступности выше, чем в Норвегии, удивил так удивил. Аналитик чертов. Марк, твое время истекает, – она показала рукой на часы в углу монитора: 19:16.

– И я сейчас не шучу, – Лиза угрожающе посмотрела на чемодан, в котором по-прежнему лежала часть вещей мужчины.

– Так это же может быть ключом к разгадке.

– Угу, обязательно.

– У меня еще больше часа.

– Есть будешь? – крикнула Лиза, заходя в кухню.

Марк пришел к ней и на ходу запихнул в себя два сэндвича.

– Поешь нормально, – чуть смилостившись, добавила девушка. – Время на ужин я вычту из времени, отведенного тебе на подготовку проекта. Так уж и быть, я сегодня добрая.

Она устало уткнулась в смартфон, сев на диван за стол, Марк порезал салат и разогрел обоим ужин. Ели молча. Впрочем, как и почти всегда.

Когда время вышло, а Марк так и не продвинулся в расследовании, Лиза, с трудом сдерживая слезы, показала ему на дверь. Поддавшись его уговорам, перед уходом она перевела ему семь тысяч рублей – по нынешним ценам это сущие копейки, но она заявила, что больше дать не может. Слукавила, но несильно.

– В душ хоть будешь пускать? – расстроено спросил Марк, беря чемодан и сумку с ноутбуком.

– Так уж и быть. – Она сложила руки на груди.

Когда бывший парень ушел в неизвестном направлении, Лиза залезла на диван и села по-турецки. Поставила на колени ноутбук. Включила сериал. В сюжет вникнуть не смогла, хотя периодически перематывала назад, заставляя себя увлечься, но ее мысли по-прежнему витали где-то очень далеко от происходящего на экране. Вскоре она уснула, не переодеваясь и от греха подальше убрав ноутбук на пол, чтобы ночью ненароком не свалить его.

2. Первые подозреваемые

Поздним вечером столбик термометра застыл на привычных для петербуржцев плюс пяти. Свирепствовал ветер. От залива веяло пронизывающим холодом, поэтому ощущалось это безобразие чуть ли не ниже нуля. Марк пожалел, что не оделся теплее. Поеживаясь, он зашел в ТРЦ. Непривычно красивые для охраны два молодца, дежурившие у входа, кинули на него короткий взгляд, но не проронили ни слова. Расстегнув демисезонную парку, он пристальнее посмотрел на встретившихся ему сотрудников молла – охранников, продавцов-консультантов: у всех были голубые глаза.

Все, кроме уж совсем отшельников, не пользующихся Интернетом, знали, что человекоподобные роботы уже используются повсюду, но никто не говорил, что у них должны быть глаза одного цвета. Марк голосом осуществил поиск ТРЦ по геолокации. Выяснил, что у всего персонала этого комплекса голубые глаза. По словам гендиректора и собственника бизнеса, это символизирует единение с морем, небом и является важной частью айдентики бренда.

Теперь ТРЦ, супермаркеты и другие магазины даже в Западной Европе работали круглосуточно. Андроиды считались особой категорией имущества, поэтому за соблюдение трудовых прав «работников» можно было не переживать. В США и некоторых азиатских странах наиболее ушлые предприниматели уже установили душевые кабины в общественных туалетах и поставили капсулы для сна в холлах, но представители гостиничного бизнеса пытались бороться с новым порядком, опасаясь за свой карман. В Европе, включая Россию, подобные практики были запрещены законодательством: власти апеллировали к тому, что у людей должен быть дом, осуждали переработки, вынуждающие граждан спать, где придется, и не видеть родных сутками.

Марк поднялся на второй этаж. Купил дешевый американо в вендинговом автомате, расположился на диване перед столом, сняв куртку, и достал ноутбук. В помещении было непривычно малоллюдно. Редкие полуночники примеряли одежду в некоторых магазинах и спешили восвояси. Раньше молодежь бродила повсюду. Сегодня же мир как будто остановился и опустел так же, как в 2020 году, когда началась пандемия. Должно быть, многие, начитавшись тревожных новостей, предпочли от греха подальше провести эту ночь дома, так как по предварительным данным все нападения совершались только на улице и в общественных местах.

Включив компьютер и периодически глотая кофе, блогер уткнулся в экран. Включил видео со скрытой камеры наблюдения у входа в подпольное казино на улице Рубинштейна. Пару месяцев назад он нашел доказательства того, что там не только бар, но пообещал не сдавать контору полиции, если бизнесмены предоставят ему доступ к своим камерам, о существовании которых не было информации в Интернете. Руководители заведения согласились.

С помощью специальной программы Марк нашел время, когда правонарушитель совершил подобное преступление на улице Рубинштейна на небольшом расстоянии от тех домов, которые должны были попасть на камеру. Оказалось, что это всего один случай, по крайней мере, из тех, о которых уже известно. Это случилось вчера, 7 апреля в 15:41. Блогер включил нужный фрагмент: парень в синих слегка зауженных джинсах, белых кроссовках и застегнутой до самой шеи серой толстовке как будто случайно проливает на пожилую даму, идущую ему навстречу, чуть-чуть кофе из пластикового стаканчика. Дежурно извинившись, он идет дальше, не ускоряя шаг. Молодого человека отлично видно: рост примерно метр семьдесят, спортивного телосложения, но не качок, стрижка флэттоп, светлые волосы, карие глаза, короткая аккуратная бородка. Марк сделал скриншот. На камеры, о существовании которых всем известно, ни один из злоумышленников не попал ни в одном городе мира. По меньшей мере, петербуржец не обнаружил ни одного такого случая.

Блогер попытался установить личность этого хулигана, но общедоступный поиск в Интернете не принес никаких результатов. На открытых профилях в соцсетях и страницах на сайтах знакомств, которые он промониторил с помощью программы, фотографии такого человека не было. Зато быстро удалось узнать имя пострадавшей: Ангелина Петровна Чеботарева, сейчас на пенсии, в прошлом – директор Ромашинского детского дома для детей с легкой степенью умственной отсталости. Группа приемных родителей, чьи дети раньше росли в этом учреждении, обвинила руководителя в воровстве конфет и других сладостей, которые привозили спонсоры на Новый Год. По словам сирот, им ничего не доставалось. Тем не менее, уголовное дело возбуждено не было: слова воспитанников с отставанием в развитии правоохранительные органы не восприняли всерьез. Некоторые приемные матери повозмутились, оставили жалобы в какие-то общественные приемные, но вскоре все затихло, тем более что Ангелина Петровна ушла на пенсию, а при новом директоре конфеты уже никто не отбирал.

Марк нашел видео выпускника интерната. На нем мужчина средних лет, одетый в клетчатую фланелевую рубашку и светлые джинсы, сидит на диване в квартире-студии в стиле минимализма.

«Отбирали ли у нас конфеты, шоколадки и другие сладости? – спросил бывший детдомовец на видео. – Нет, нам доставалось их сполна. Забирали ли директор, воспитатель и другой персонал излишки себе? Разумеется. В начале 2010-х годов корпоративные спонсоры стали буквально заваливать сиротские учреждения подарками, особенно сладостями под Новый Год. По самым скромным подсчетам, на одного ребенка приходилось чуть ли не пять килограммов, при том, что некоторым сладкое в принципе нельзя, например, из-за аллергии, а у кого-то сахарный диабет. Нам давали столько, сколько мы могли съесть без вреда для здоровья, часть оставляли нам впрок, но так, чтобы не истек срок годности, а остальное забирали себе. Могли ли они поступать по-другому? Наверное, но спонсоры сеяли добро бездумно, так что мы имели то, что имели. Я не исключаю, что часть шоколадок персонал дарил на тот же Новый Год или Рождество еще своим друзьям или родственникам. Чувствовал ли я себя обездоленным из-за этого? Вряд ли. Гораздо больше я переживал из-за того, что меня никто не усыновляет...»

Марк выключил видео. Сам он в силу возраста начало 2010-х не помнил, но старшие воспитанники рассказывали, что тогда все так примерно было и в их детдоме.

Еще раз пересмотрев кадры нападения, блогер обратил внимание на то, что хулиган в капюшоне и, судя по всему, несмотря на 28-градусную жару, парень совсем не испытывает дискомфорт. А ведь мог хотя бы расстегнуть толстовку!

«Возможно, правонарушитель – это обиженный выпускник этого детдома, – предположил Марк. – Такой мог не расстегиваться, ведь за годы нахождения в системе он привык то париться под горячим душем, когда няня забывала сделать воду похолоднее, то мерзнуть, постукивая зубами».

Тем не менее, картинка не очень складывалась: очевидно, речь идет о международной банде, а столько выпускников детдомов на Земле точно нет. Значит, каждый случай индивидуален. Что объединяет эти преступления? Или схожи только методы, а мотив у каждого свой? Или кто-то один начал, а остальные просто бросились повторять, самостоятельно выбирая жертв, но все злоумышленники действуют самостоятельно? Ведь если они связаны, то должны же как-то общаться? Но где и как – никаких зацепок.

Поиск в законном сегменте Интернета больше ничего не принес, зато в Даркнете в слитой базе данных андроидов Марк нашел по фотографии нападавшего. Если верить программе, сходство составляло 98%. Напротив изображения хулигана в таблице значился его серийный номер: НМ-RU064512. Машина считалась андроидом, живущим у семьи в Выборге, но фамилии владельца и адреса не было. В отличие от настоящих баз, неофициальные не могли похвастаться полнотой информации, а по серийному номеру больше ничего узнать не удалось.

В глазах помутнело, по коже пробежали мурашки.

– У Вас все в порядке? – спросил андроид-охранник, дежуривший на этаже, подойдя к блогеру.

Поперхнувшись от неожиданности, Марк кивнул, стараясь не выдавать внезапно нахлынувший страх. А ведь во всем ТРЦ сейчас, похоже, кроме него, остались одни роботы. Если они действительно способны причинить вред человеку, то он в западне: даже служба спасения приехать не успеет. С другой стороны, вероятно, он просто себя накручивает, да и на улицу уходить он не мечтает, так что хочет он этого или нет, но ночь ему придется провести в компании андроидов. Может быть, Марк ошибается, и антроиды и в самом деле милейшие существа. Охранник-человек вообще к нему не подошел бы, а этот пусть и неживой, но проявляет заботу.

Блогер изучил новости: пока никто – по крайней мере, с доказательствами – не утверждал, что за серией преступлений стоят машины, а первому публиковать сенсацию стало боязно. Что, если он ошибается, а из-за его халатности в мире начнутся массовые беспорядки или даже не одна гражданская война? Допустить такое он явно не жаждет. А ведь вероятность того, что правонарушитель – человек достаточно велика. В эту серую базу иногда злой шутики ради вносят самых обыкновенных людей, на которых кто-то разозлился, или тех, кого просто по приколу называют роботом из-за того, что он, например, плохо считывает эмоции. Такие прецеденты уже случались, и в первый раз люди, которых ошибочно называли роботами, требовали удаления их имен: они опасались, что на них могут напасть андроидофобы. Говорят, что те данные действительно стерли, и вроде бы администрация какого-то левого сайта даже выплатила истцам компенсацию за моральный ущерб, но тем не менее всегда оставался риск того, что кого-то снова внесут в базу по ошибке или со злости.

Положив куртку на диван и свернув ее словно подушку, Марк прилег на нее и задремал, так и не решившись опубликовать пост со своими догадками.

***

Потянувшись, Лиза встала и прошла на кухню. Голосом включила кофемашину и запустила умную колонку – она выглядела так же, как на рубеже 2010-2020 годов: архаичная модель, к тому же, уже бывшая в употреблении. На андроид, даже старого, в доме, естественно, не хватало денег.

– Лейла, что нового в мире? – спросила петербурженка, открывая холодильник и с аппетитом уминая соленый огурец, не разрезая его.

– Вот что мне удалось найти в Интернете по этому запросу, – начала говорить Лейла, и Лиза почувствовала, что ее подташнивает. – С седьмого апреля более миллиона человек в 138 странах стали жертвами неизвестных. Чаще всего правонарушители прыскали в них из баллончиков трудно смываемой краской разных цветов в лицо или на одежду или, будто случайно, проходя мимо или навстречу, обливали кофе, глинтвейном или другим горячим напитком; многие не обращались в полицию, но теперь собираются это сделать. Чуть более ста тысяч человек написали заявления с жалобами на синяки, ушибы и вывихи, реже переломы рук и пальцев. В тридцати пяти тысячах случаев речь идет о ножевых, огнестрельных ранениях, сотрясениях мозга и травмах позвоночника; таким потерпевшим потребовалась госпитализация, но медики оценивают их состояние как средней тяжести или стабильно тяжелое и уверяют, что их жизням ничего не угрожает. Все пострадавшие, давшие комментарии, сходятся во мнении, что злоумышленники ничего у них не украли, ничего не требовали и не объясняли мотивы своих поступков. Ни один из потерпевших не столкнулся с сексуальным насилием. Жертвы утверждают, что не были знакомы с преступниками.

По словам немецкого блогера-миллионника Питера Волнеса, абсолютно все пострадавшие – совершеннолетние, 64% из них – мужчины. Потерпевшие в большинстве случаев не были знакомы между собой. Они придерживаются разных политических взглядов и вероисповедания, среди них встречаются заядлые охотники и, напротив, вегетарианцы и веганы; многодетные родители и бездетные; неоднократно судимые и никогда не привлекавшиеся; без-

работные, пенсионеры, студенты, совершеннолетние старшеклассники, учителя, маркетологи, актеры, IT-специалисты, бизнесмены, политики, топ-менеджеры и даже два астронавта. По предварительным данным, среди пострадавших не было ни одной беременной женщины. Криминальная полиция Германии пока не ответила на запрос немецкого блогера. Пресс-служба Интерпола сообщила, что выступит с официальным заявлением завтра в полдень. Власти США, России и десятков других государств призвали жителей без крайней необходимости не покидать свои дома, рекомендовали компаниям отправить наибольшее количество сотрудников на удаленный режим работы; школьников и студентов перевели на дистанционное обучение, а детские сады принимают только тех, у кого оба родителя или единственный родитель работает не удаленно.

Голосовой помощник собирался вещать что-то еще, но Лиза остановила его. Взяв умный тест на беременность, она ушла в туалет. Чтобы женщины ничего не перепутали, тесты теперь изъяснялись просто и доступно: «Беременна» или «Не беременна». Результат Лизы: не беременна.

«Но тест может врать, – раздосадовано подумала девушка, вымыв руки. – А что если...?»

Обрадовавшись своей идее, она молнией вылетела из санузла, взяла смартфон, изменила настройки приватности, сделав профиль в соцсети открытым, и написала: «Иду делать аборт». Чтобы не столкнуться с уймой тех, кто будет читать ей нотации, отговаривать или пытаться понять, чем она руководствовалась, она отключила возможность оставлять комментарии.

«Неизвестными явно движут какие-то мотивы социальной справедливости, надо отметить одну версию за другой, может, тогда Марк продвинется хоть в этом расследовании», – предположила она.

Сходив в душ и позавтракав, Лиза прикрепил к пальто скрытую камеру. Намеренно пошла по двору, где не было других искусственных глаз. Злоумышленник не заставил себя долго ждать: пробегая мимо нее, как будто куда-то очень спешил, поджарый молодой человек, облаченный в бомбер, ненароком толкнул ее, девушка упала, но отделалась легким ушибом. Торопыга извинился, помог ей встать, предложил вызвать такси и сопроводить до больницы, но она отказалась, а когда изменила свое мнение, решив, что это отличный шанс побольше узнать о правонарушителе, от него уже и след простыл.

Чуть придя в себя после легкого шока, охватившего ее сразу после происшествия – она не думала, что все произойдет в первый же день и так быстро, словно по мановению волшебной палочки – Лиза дрожащими от нетерпения руками набрала Марка и рассказала ему о случившемся, одновременно переслав ему фотографию хулигана, сделанную при помощи умной камеры. Узнав, что на нее напали, когда она написала, что идет делать аборт, блогер отнесся к ее версии скептически. По предварительным данным, среди потерпевших не было ни одной беременной женщины: судя по всему, этические принципы банды не позволяют им трогать ни несовершеннолетних, ни беременных.

– Думаешь, это совпадение? Но у меня же маленький срок, ничего не видно.

– Преступники явно руководствуются не внешним видом и не стереотипами. На сто сорок шесть человек напали аккуратно на следующий день после того, как им исполнилось восемнадцать лет. Шестидесят пять молодых пострадавших еще были учениками старшей школы, некоторые из них шли вместе с более юными сверстниками в одной компании, но доставалось только совершеннолетним, так что правонарушители точно видели документы будущих жертв, – пояснил он, изучая информацию на ноутбуке. – Подожди, а ты что правда беременна и хотела сделать аборт? – ошарашенно спросил он.

– Наконец-то, спросил, – скептически отметила Лиза. – Нет, просто хотела отметить одну версию за другой.

– А ты как вообще? – с сочувствием добавил он, почувствовав свою вину. – Тебе в травмпункт не надо?

– Для полиции? Там следов никаких нет. Ну, скорее всего, – отмахнулась она.

– А просто так? Ты в порядке?

– Ага.

– А кто-то знал, что ты не беременна?

– Я сделала умный тест. Больше никто не знал.

– То есть правонарушители имеют доступ к базе данных Минздрава... – задумчиво подытожил Марк.

– В смысле? – удивилась Лиза.

– Ты что не читала пользовательское соглашение? Все результаты, полученные с помощью умного теста, автоматически направляются в базу данных Минздрава и органов опеки. Это сделано для того, чтобы подростки не пугались, если они беременны, и не скрывали это до последнего ото всех, рискуя своим здоровьем, возможно, даже своей жизнью и жизнью плода, а остальные вовремя вставали на учет и шли делать УЗИ, не пуская все на самотек. Все сходится: ты не беременна, поэтому на тебя могли напасть. Но вряд ли тебя сбили с ног именно из-за желания сделать аборт. Во-первых, оно мнимое, и преступники понимали это, во-вторых, среди других пострадавших сотни тысяч человек никогда даже не думали делать аборт и не советовали это своим женам или девушкам.

– Ясно... А тебе удалось установить личность этого нападавшего? – с надеждой спросила Лиза.

– Я в процессе... – ответил он, обнаружив фотографию хулигана на странице в соцсети у какой-то, скорее всего, бездетной пары средних лет, живущей в Приозерске. – В душпустишь? Ты сейчас дома или где?

– Ага. Скоро буду, у меня сегодня нет работы.

***

Помывшись, переодевшись и позавтракав, Марк разместился в комнате за двумя мониторами.

– Ты лучше присядь, – слегка взволнованно попросил мужчину, когда Лиза подошла к нему с немым вопросом.

Она приземлилась в офисное кресло на колесиках и подъехала к компьютеру. Блогер открыл страницу в соцсети той семьи из Приозерска. Лиза посмотрела на пост, опубликованный в 2036 году: «С 14 июля в новом составе».

Текст сопровождался фотографией пары средних лет во дворе двухэтажного коттеджа в окружении цветов и пары яблонь, золотистого ретривера, сидящего перед ними, и парнем, стоящим между взрослыми. На вид ему было лет восемнадцать-двадцать.

– Да, именно он в меня и врезался, – спокойно подтвердила она.

– Он андроид, – нервно поперхнувшись, тихо констатировал факт Марк.

– С чего ты это взял? – она скептически фыркнула и принялась внимательно просматривать другие посты и фотографии семьи, благо они были доступны всем пользователям соцсети, а не только френдам. При этом написать им личное сообщение, отправить заявку в друзья, оставить комментарий или даже поставить какую-либо реакцию под постом не позволяли настройки приватности.

– Ты просто пересмотрел фантастические фильмы и сериалы, – высказала свое мнение Лиза. – Очевидно же, что у пары не было детей, поэтому в 2036 году они усыновили подростка. Надо написать заявление в полицию, благо у нас есть его снимок и ID страницы его семьи. Непонятно, правда, в чем я перед ним провинилась, отродясь его раньше не встречала... Или он нападает на всех подряд, как-то рандомно?

– Лиза, твоего якобы подростка – который, к тому же, больше напоминает переростка – зовут Оливер, – сказал Марк, изучив другой пост, где упоминалось имя юноши. – И с каких пор россияне стали усыновлять американских или британских детей? – Он повысил голос. – А

вот для андроида, пусть и живущего в России, это как раз таки очень типичное имя. Ванями их пока почему-то никто не называет.

– Он просто мог выглядеть старше своих лет. А насчет усыновления, конечно, такого отродясь не случалось, но поверить в это все-таки в разы легче, чем в то, что роботы стали причинять вред людям, – нервно сжав губы, парировала Лиза. – Тем более, что у нас в стране уже пять лет как нет детдомов, логично, что рано или поздно началось бы международное усыновление.

– В США и в Британии тоже почти нет сирот.

Лиза пожалала плечами:

– Возможно, этот Оливер с особенностями развития. И как мы уже успели убедиться, у него, очевидно, трудное поведение. Наверное, соотечественники не спешили его усыновлять, поэтому мальчика отдали на международное усыновление.

Марк слегка колеблясь и понимая, что она раскритикует его за излишнюю осторожность и неуверенность, рассказал девушке, что злоумышленник, обливший кофе пожилую даму седьмого апреля на улице Рубинштейна, скорее всего, тоже андроид.

– Почему ты тогда сразу, еще вчера, не опубликовал пост? – возмутилась Лиза. – Срочно пиши, пока тебя никто не опередил.

– Почему тебя интересует только хайп и деньги? Тебя не напрягает, что я могу спровоцировать массовые беспорядки на большей части Земли?

Девушка закатила глаза:

– Если уж началось восстание машин, то беспорядки точно не заставят себя долго ждать, но ты хотя бы, наконец, сможешь подключить монетизацию к блогу¹ и, может, даже прославишься. Тормоз, блин, – раздраженно сказала девушка, беря свой смартфон и увидев новое видео Питера Волнеса, в описании к которому было указано, что хулиганы – скорее всего, андроиды. – Волнес тебя, конечно же, опередил.

Лиза поставила гаджет перед собой и Марком и включила видео. Перевод с немецкого на русский язык уже неплохо делал искусственный интеллект.

«Нашей команде предположительно удалось установить личность одного подозреваемого, – говорил мужской закадровый голос.

На экране появился пригород Копенгагена. Пожилая женщина, чье лицо было заблюрено, одетая в синий флисовый спортивный костюм, вышла из частного двухэтажного дома, держа на поводке светлого лабрадора.

– В пригороде Копенгагена на вышедшую гулять с лабрадором 97-летнюю женщину, которая попросила не называть своего имени, напал 22-летний Крис Лейзл. С разбега он сбил пенсионерку с ног, она упала и получила компрессионный перелом позвоночника. Правонарушитель скрылся с места преступления, а собака оказалась очень добродушной, поэтому на происшедшее никак не среагировала. Скорую помощь пострадавшей вызвала молодая соседка, которая привезла дочь из школы раньше обычного, так как у ребенка заболел живот. Момент нападения попал на камеры видеорегистратора автомобиля этой соседки. В интересах следствия мы не публикуем эти кадры, – продолжал мужской закадровый голос.

– На данный момент пострадавшая в больнице, ее жизни ничего не угрожает, – говорил ведущий. – Датчанка и члены ее семьи уверяют, что раньше никогда не встречали злоумышленника, но один из правнуков решил провести собственное расследование. Подросток, замазав по просьбе родственницы ее лицо, переслал кадры своим друзьям, соседям, сестрам и братьям, а те, в свою очередь, показали видео своим близким. В тот же день одноклассник его девятилетней двоюродной сестры – Бернар Мартен, увидев пост, рассказал, что Крис Лейзл – так, по словам ребенка, звали уборщика, – мыл полы в его школе в Хельсингёре, где мальчик

---

¹ То есть на нем будет реклама, и владелец блога сможет таким образом зарабатывать на нем.

жил и учился два года назад. Было это, соответственно, в 2038 году, тогда все клининговые услуги в Европе уже оказывали андроиды. Мы связались с родителями Бернара, и они подтвердили слова сына. Мальчик учился в муниципальной школе, поэтому, подняв информацию о государственных тендерах, мы нашли серийный номер уборщика-андроида, который действительно внешне очень похож на нападавшего, попавшего на камеру. Напротив его номера в базе данных указаны имя и фамилия: Крис Лейзл.

На экране появилась фотография нападавшего: парень роста выше среднего, русые волосы, гладко выбритое лицо, зеленые глаза.

– Нам удалось выяснить, – продолжал мужчина средних лет, теперь он гулял по набережной в Хельсингёре, – что это робот НМ-DK098614. Он является так называемым человекоподобным роботом, способным выполнять только неквалифицированную и низкоквалифицированную работу. По документам он числится собственностью муниципальных властей. Таким машинам запрещено покидать населенный пункт без сопровождения человека, но, как мы понимаем, – тут мужчина усмехнулся, – если роботу чего-то захотелось или он сбежал, то его уже ничто не остановит. – Непонятно, почему менеджер, курирующий работу андроидов, оперативно не сообщил о бегстве подопечного в полицию. Кроме того, согласно рекомендациям Еврокомиссии, к работе в детских учреждениях могут допускаться только роботы с классом 2 и выше, но у Криса Лейзла, как мы видим, класс 0, то есть он туповатенький, – пояснил ведущий. – В пресс-службе Министерства детей и образования Дании на наш запрос пока не ответили. Власти много десятилетий убеждали нас в том, что роботы никогда не причинят вред человеку, но, возможно, восстание машин началось гораздо раньше, чем можно было себе представить. Кто или что надоумило роботов нападать на людей, чем они руководствуются в выборе жертв, все ли взбунтовавшиеся андроиды являются беглецами и одинаковые ли у них классы и прочие технические характеристики, нам только предстоит выяснить. Берегите себя, ставьте лайки и подписывайтесь на уведомления».

– Ладно, – чуть более дружелюбно сказала Лиза, когда они досмотрели видео. – У нас еще есть шанс первыми установить мотив нападавших, а если повезет, то и что-то еще. А заявление в полицию я все-таки подам: думаю, не помешает.

– Да, конечно, – ответил Марк.

Лиза через Интернет отправила заявление, приложив фотографию нападавшего и ссылку на аккаунт его семьи.

– Что-нибудь еще нашел? – спросила девушка.

– Пока ничего существенного.

***

18 апреля 2000 г.

Худощавый мальчик лет одиннадцати с синяком под левым глазом, нервно переминаясь с ноги на ногу у кабинета социального педагога, наконец решился зайти внутрь. Дверь закрылась на удивление бесшумно, поэтому женщина средних лет, одетая в бордовый брючный деловой костюм и склонившаяся за пузатым монитором персонального компьютера, ребенка заметила не сразу. Лишь когда она подняла голову, чтобы сделать очередной глоток кофе из почти пустой чашки, стоящей на столе справа от нее, голова школьника оказалась прямо перед ее лицом, так как он подошел к ней почти вплотную. От неожиданности педагог чуть не вскрикнула. Слева от нее на столе красовался почти новый раскрытый справочник по Windows 98 на глянцевой бумаге со множеством иллюстраций.

– Что тебе? – раздраженно рявкнула Мария Владиславовна.

– Я это... ну, как это, – ученик так сильно сжал кулаки, что от его ногтей на ладонях остались следы, – сдаваться пришел, вот.

– То есть Тетрис у Кадушкина все-таки ты украл? – победоносным тоном поинтересовалась она.

– Не, это не я... Ч-честно... Я это... пожаловаться хотел, – робко произнес Огурцов.

– Выкладывай, коль пришел, – Мария Владиславовна обвела его слегка недоуменным взглядом.

– Ну меня это, дома бьют...

– В детский дом, значит, хочешь? – с полувопросительной интонацией уточнила она.

– Не то чтобы хочу... Но да, похоже на это, – мальчик принялся сосредоточенно рассматривать поношенный и частично порванный носок своего правого кроссовка.

– Ты уж определись, пожалуйста, – сухо сказала она, наконец окончательно оторвавшись от своего напитка и техники. – Либо мы в милицию заявление пишем и тебя в детский дом определяют, либо... считай, что этого разговора не было. Третьего не дано.

– А, ну ладно тогда. Не было. До свидания!

– И тебе не хворать.

Когда мальчик с понурым видом поплелся к двери, у него развязался левый ботинок.

– И шнурки завяжи! – крикнула ему вслед Мария Владиславовна.

Когда ребенок выполнил ее указание, вышел в коридор и захлопнул за собой дверь, она налила себе новую чашку растворимого кофе и чуть не ударила рукой монитор дорожной вычислительной машины, но вовремя удержалась, памятуя о том, что с учительской зарплатой она ввек за нее не расплатится. Директриса поручила ей научиться пользоваться этим результатом научного прогресса – мол, у нее все равно работы мало по своему профилю. Затем надо будет научить всему, что она узнала, коллег. Мрак. Как будто Мария Владиславовна, простая советская женщина, рождена для того, чтобы покорить эту коробку, наполненную разумом.

«Эх... Ну ничего, может, когда-нибудь техника до того дойдет, что вместо нас работать будет. Да, Гоша?», – подумала она.

Гошей она называла персональный компьютер.

«Гоша-Гоша. – Она с симбиозом отчаяния и надежды посмотрела на экран, при том, что чудо техники даже к Интернету подключено не было. – Вот что нам делать с Огурцовым? Бьют, видите ли. Эти дети соврут недорого возьмут. Всех били и ничего, людьми выросли. Молчишь, тупая ты машина? Никакой ты не робот, тьфу на тебя... Сколько зато разговоров-то было, сколько мечт... Все это сказки и думы чудаков-фантастов... И не более того».

Залпом выпив вторую чашку кофе, социальный педагог, сморщившись, с новыми силами откнулась в компьютерный справочник.

В 2040 году 51-летний Огурцов пришел в полицию: писать заявление на отца, все детство колотившего их с братом и матерью, потому что на его отца напали и, скорее всего, стоял за этим как раз потомок «Гоши» образца счастливого будущего.

Срок давности у тех преступлений истек много лет назад, так что Огурцова-старшего наказал только андроид, но заявление все равно приняли, так как были нужны любые зацепки по поводу того, как робот – или все-таки человек – выбирает жертв.

Вернувшись домой, Огурцов на странице в соцсети рассказал о своем детстве и о том, что, наконец, пришел в полицию, пусть теперь это уже и почти не имело смысла. После его признания многие люди разных возрастов – в некоторых случаях еще не истек срок давности – обвинили жертв андроидов в применении физического насилия к ним или к их близким. Многие сообщили об этом в полицию.

При этом оставалось совершенно непонятным, каким образом роботы смогли узнать, что именно выбранные потерпевшие были абыюзерами. Почти все пострадавшие от побоев раньше никогда не писали об этом в Интернете, почти никто в свое время не подал заявление в полицию или в милицию, некоторые совсем никому не сообщали о том, что творится или творилось у них дома: ни другим родственникам, ни друзьям. Ни в личных беседах, ни в интернет-переписке, ни по телефону, никак. У многих потерпевших и раньше-то синяков на открытых частях тела не было видно, а спустя годы у большинства и вовсе не осталось никаких физических сле-

дов, так что вопросов было больше, чем ответов, но взаимосвязь была вполне существенной: сотни тысяч близких пострадавших от рук андроидов сообщили о своем незавидном прошлом, то есть примерно половина всех, кто пострадал от роботов. Скорее всего, какие-то близкие до сих пор стесняются или не решаются об этом говорить, другие, может, вообще уже умерли, ведь совершенно неясно, на какой именно год ориентировались роботы, когда планировали свои преступления.

Но были и те – особенно среди некоторых близких жертв андроидов – кто счел эту версию ошибочной и даже опасной. Несколько десятков тысяч человек, в основном девушек и женщин, вышли на центральные улицы своих городов во многих странах, скандируя, что их близкие, пострадавшие от роботов, – милейшие люди, никогда ни на кого руку не поднимавшие. В то же время некоторые соседи пострадавших придерживались другого мнения и считали жертв андроидов виновными в побоях.

– У этих женщин стокгольмский синдром, – говорила пожилая немка, пришедшая в то утро в отделение. – Я с Людвигом Хардом в одном доме живу буквально вторую неделю, сожалею, что не пришла к вам раньше. Он кричит на жену, это отчетливо слышно даже мне, хотя у меня слуховой аппарат. Каждый вечер, наверное, как приходит с работы. Или с пьянки, уж точно не знаю. Я не слышала, чтобы именно бил, доказательств у меня нет, но кричать же тоже нельзя. Надо его проверить. Возможно, физическое насилие там тоже есть или вот-вот начнется, – резюмировала бдительная горожанка.

***

Изучив имеющиеся данные, Марк счел, что этот принцип в выборе жертв ошибочный. Среди тех, кому, например, андроиды сломали позвоночник, встречались как те, кто годами, а то и десятилетиями жестоко до полусмерти избивал жену, детей и пожилую мать, зачастую еще и бабушку, так и те, кто всего один раз поднял руку на любовника или мужа. То есть буквально руку, не утяжеленную чем-либо еще, дав легкую пощечину. Ущерб здоровью, систематичность насилия и его продолжительность явно были не сопоставимы.

Наблюдалась и несколько иная ситуация: тысячи близких обвинили в постоянных истязаниях тех, кому от робота досталось символически. Шесть таких пострадавших, которых андроид почему-то решил пощадить, действуя в отношении них невероятно гуманно, и вовсе в свое время отрубили своим близким пальцы или руки.

Наконец, Лиза, на которую напал андроид, хоть за словом в карман и не лезла, но руку на него никогда не поднимала, хотя, наверное, могла. Особенно, если учитывать, что он до сих пор – и так уже почти десять лет – живет практически полностью за ее счет в квартире, которую купили ее родители. Лишь изредка у него случались временные, но обычно небольшие заработки. Кроме того, он получает базовое пособие, но оно очень скромное. Спрашивать девушку об этом напрямую он бы, очевидно, постеснялся, но мужчина очень сомневался в том, что его избранница колотила сковородкой кого-то из своих предыдущих партнеров, не говоря уже о кровных родственниках. Младших братьев или сестер, которых она могла бы физически наказывать, упиваясь своей властью над ними или просто потому, что они ее в какой-нибудь момент раздражали бы, у нее не было, так что мозаика не складывалась.

Чуть призадумавшись, Марк смог теоретически представить себе, что Лиза в детстве или в юности ударила кого-то из одноклассников, хотя и в это верилось с трудом. Ко всему прочему, многих остальных жертв обвиняли в насилии именно в отношении близких кровных родственников, супругов и сожителей, а не посторонних людей или одноклассников.

3. Мотив

На пресс-конференции, которая транслировалась по всем телеканалам большинства стран и по умолчанию воспроизводилась на главных страницах всех американских и российских поисковиков и видеохостингов, генеральный секретарь Интерпола Арнольд Цак под прицелом теле- и фотокамер призвал сохранять спокойствие и не поддаваться панике, хотя его лоб то и дело покрывался испариной. Он подтвердил, что по меньшей мере часть нападавших – действительно андройды, но все исполнители действуют не по своей воле: сознания и тем более желания нарушать законы у роботов нет и быть не может. Дело в том, что кто-то дистанционно нарушил их протоколы, что и привело к серии нападений, но кто именно и какую задачу поставили андроидам, пока выяснить не удалось, так как эти данные хорошо засекречены злоумышленником или злоумышленниками. Кроме того, отключить все андройды пока не получается, дистанционно это сделать не всегда возможно, а многие роботы, в том числе непосредственно виновные в нападении на людей, сбежали, и установить их местоположение, к сожалению, пока не удастся, но Управление по борьбе с киберпреступностью Интерпола в сотрудничестве с коллегами из национальных ведомств, ведущими IT-специалистами из крупнейших корпораций активно работают над этим. Производство и продажа всех андроидов временно приостановлены. Роботов, работающих в магазинах, на заводах, в больницах и других социальных центрах, в которых проживают люди, еще восьмого апреля отключили до выяснения обстоятельств, на их места открыты вакансии для людей, почти все они уже закрыты. Должности врачей, воспитателей, учителей, большей части среднего медицинского персонала и раньше занимали только люди, так что беспокоиться не о чем.

Ситуация в целом находится под контролем, логистические цепочки практически не нарушены, продовольствия и товаров первой необходимости на складах хватает, а Китайская Народная Республика и в меньших объемах некоторые другие страны, где протоколы андроидов нарушены не были и не зафиксировано ни одного подобного преступления, при необходимости предоставят гуманитарную помощь, включая лекарства. Специалисты управлений по борьбе с киберпреступностью заберут всех андроидов, проживающих в семьях, отключат их, если владельцы не смогут это сделать самостоятельно, и отвезут на хорошо охраняемые склады. Желательно самостоятельно отключить своих роботов как можно скорее, но если это сделать не получится, то волноваться особо не стоит: на своих же домочадцев андройды не нападают. Судя по косвенным данным, такое поведение не запрограммировано злоумышленниками, они могут только сбежать и нанести вред другим людям. Если уязвимость не получится починить в течение трех месяцев, то владельцам роботов нужно будет обратиться в страховые компании для получения компенсации.

Людям из охваченных преступлениями стран нет необходимости покидать свои места жительства и переезжать в Китай и другие более безопасные места, так как во всех таких государствах очень высокая плотность населения. Если туда еще приедут беженцы из Евросоюза, США, России и других стран, охваченных бедствием, то велика вероятность того, что многие, особенно дети, погибнут в давке. Надо оставаться в своих домах, там никому ничего не угрожает. Улицы патрулируют наряды полиции, военные и сотрудники частных охранных предприятий, последние добровольно вернулись с пенсии. Все они обучены работе с андроидами и умеют их отключать, а при невозможности сделать это на месте смогут, используя спецсредства, обезвредить их и доставить в региональные управления по борьбе с киберпреступностью. В некоторых странах также объявлен набор добровольцев-дружинников. При необходимости и наличии ресурсов патрули готовы сопровождать людей до места их работы и обратно, если те не переведены на удаленный режим, но это отдается на откуп городским и в меньшей степени национальным властям.

Также генсек Интерпола отметил, что дроны абсолютно безопасны и их можно и рекомендуется использовать для доставки еды и других товаров первой необходимости. Он добавил, что при желании можно заказывать бесконтактную доставку до двери, как было принято во времена пандемии.

Арнольд Цак подчеркнул, что по предварительным данным международное движение «Stop Robots», выступающее против роботизации, не причастно к серии преступлений, но эта версия еще будет детальнее проверяться.

– Господин Цак, почему Вы так уверены в этом? – спросил темнокожий журналист средних лет. – Она же кажется самой очевидной. Почему она не рассматривается как приоритетная?

– У Интерпола есть агенты в этом движении, они уверяют, что организация не причастна к этим преступлениям, и у нас пока нет оснований им не верить и нет доказательств того, что они разоблачены, а потому от них скрывалась эта информация. Вероятность того, что за взломом андроидов стоит кто-то из их активистов, решивший действовать в одиночку или просто в компании с идейными товарищами-айтишниками, тоже крайне мала. Скорее всего, за нарушением работы протоколов стоит очень талантливый старший специалист по машинному обучению. Как правило, такого уровня достигают минимум к тридцати годам, а люди в этом возрасте уже больше ориентированы на официальную работу, тем более, что в их случае она отлично оплачивается, а также на семью и стабильность, а не на участие в движениях с сомнительной репутацией и минимальными гонорарами. А подростки, пусть и увлекающиеся IT и проходившие стажировку в корпорациях, не способны на такой взлом.

– Господин Цак, – спросила молодая светловолосая журналистка, – руководствуются ли андроиды, точнее те, кто изменил их протоколы, мотивами социальной справедливости? Ранее сообщалось, что преступники нападают на тех, кто применял физическое насилие в отношении своих близких. Насколько вероятной эта версия представляется сейчас, с учетом новых открывшихся обстоятельств? Кому в первую очередь стоит опасаться нападений? Или же роботы могут быть опасны для всех?

– Спасибо за вопрос, как раз хотел об этом сказать. Скорее всего, андроиды действительно не нападают и не планируют нападать на несовершеннолетних и беременных женщин, однако это только предположение, основанное на очевидной закономерности, выявленной по уже состоявшимся преступлениям. Других доказательств этому нет. Мы можем предположить, что несовершеннолетние и беременные были добавлены злоумышленниками в список исключений, но опять-таки мы даже не знаем, руководствуются ли при этом андроиды информацией, полученной из баз данных, или же они определяют возможность нападения визуально, используя компьютерное зрение непосредственно перед преступлением. Если они опираются на компьютерное зрение, то подростки, особенно те, которые выглядят старше своих лет, тоже в группе риска. С беременными женщинами на ранних сроках ситуация аналогичная. В любом случае мы призываем всех проявлять осторожность и без необходимости не выходить на улицу и не бывать в общественных местах. Если есть такая возможность, дышать воздухом лучше на балконах и в закрытых дворах. Что касается мотивов социальной справедливости, она по-прежнему является одной из приоритетных, но конкретная причина пока не ясна. Вряд ли преступники выбирают в качестве жертв именно тех и только тех, кто совершал физическое насилие. Да, действительно родственники, друзья или соседи уже 347 тысяч пострадавших заявили, что потерпевшие от рук андроидов применяли к ним или к членам своих семей физическое насилие. При этом, я напомним, всего от рук роботов уже пострадали один миллион триста пятнадцать тысяч человек, то есть ни о какой существенной взаимосвязи не может идти и речи. Пока лишь 286 тысяч уголовных дел о физическом насилии в отношении близких дошло до правоохранительных органов, и только 173 тысячи подозреваемых арестованы или в отношении них применены другие меры пресечения. В отношении остальных жертв, которых голословно обвинили в преступлениях, доказательства были признаны недостаточными,

и дела возбуждены не были. Но если откроются новые, более существенные улики, то непременно будут приняты меры. Но, я повторяю, мы не можем огульно посадить за решетку всех потерпевших только на основании того, что на них напали андройды, а андройды якобы нападают не просто так, иначе это будет новой «охотой на ведьм». Надо помнить, что презумпцию невиновности никто не отменял, вне зависимости от того, какие страшные преступления кто-либо действительно ни совершал. Мы все живем в правовых государствах и очень важно не перегнуть палку.

– Рассматривается ли отключение Интернета? – спросила молодая темноволосая журналистка.

– Пока точно нет, это самая крайняя мера, – ответил генсек. – Дело в том, что более 85% жителей охваченных бедствием стран не имеют других источников информации. Бумажных газет давно не существует. Радио еще присутствует, но менее чем в 1% семей и то, в основном, только в странах бывшего СССР. Телевещание есть менее чем в 13% домов. Соответственно, отключение Интернета приведет к панике и информационному голоду, а мы не можем этого допустить. Кроме того, только 4% платежей совершается с помощью наличных денег: в основном, так расплачиваются либо люди старше 90 лет, которые, соответственно, даже в 2010-е годы, то есть в свои 50-60 лет, не смогли освоить новые технологии, либо проживали в тех странах, где тогда еще активно использовались наличные платежные средства, либо представители криминальных группировок. Практически все дети и большая часть законопослушной молодежи купюры и монеты видели только в старом кино и в сериалах. В банкоматах и в отделениях банков достаточного количества наличных денег тоже нет. Соответственно, если мы отключим Интернет, то люди не смогут платить ни банковскими картами, ни с помощью гаджетов, ни посредством Face ID, все это приведет к хаосу, страху, массовым беспорядкам, в более долгосрочной перспективе – к голоду, так как еду будут не приобретать, а воровать или вырывать из тележек сограждан, применяя к ним грубую физическую силу, и, возможно, даже к гибели людей. Мы тогда окончательно утратим человеческий образ. К тому же, выросло поколение, которое в принципе не умеет использовать наличные деньги. Они уже взрослые и самостоятельные, но только в теории понимают, что такое «сдача». Кроме того, наличные деньги практически некому принимать. Мы были вынуждены временно избавиться от андройдов-кассиров, поэтому сейчас в магазинах работают, в основном, терминалы самообслуживания. Как известно, они не принимают наличные деньги. Мы были вынуждены призвать торговые сети нанять кассиров-людей, но они сейчас представлены далеко не во всех сетях и конкретных магазинах и обслуживают только тех, кто в силу возраста или особенностей развития не может справиться с терминалом самообслуживания, либо, соответственно, тех, кто и до этой катастрофы использовал только наличные деньги. Но если абсолютно все покупатели начнут расплачиваться банкнотами у людей-кассиров, то это приведет к огромным очередям. Наконец, если мы отключим Интернет, то большая часть людей не сможет работать, малый и средний бизнес, скорее всего, разорится, а дети перестанут учиться. Экономике будет нанесен колоссальный ущерб. Таким образом, нет, пока отключение Интернета абсолютно нецелесообразно и недопустимо.

После Цака с обращениями выступили генсек ООН Том Стонс и представители основных мировых конфессий. Затем трансляция стала более адресной: в зависимости от геолокации зрителя показали обращения глав соответствующих государств, охваченных катастрофой, включая Россию.

– Нам конец, – тихо произнесла Лиза, когда пресс-конференция закончилась. – Зачем мы это посмотрели? Пока они не выступили, казалось, что ничего сверхъестественного не произошло, а теперь мне уже реально страшно выходить на улицу.

– Не волнуйся, – Марк обнял ее, девушка прижалась щекой к его груди.

– Давай уедем в Китай, – предложила она с мольбой в голосе.

– Не получится. – Он сверился с информацией в Интернете. – Все билеты на самолет, даже в премиум-класс, который нам точно не по карману, распроданы. К тому же, сказали ведь, что не надо разводить панику и никуда бежать. А на поезде или машине ехать туда очень опасно... В Красноярском крае и в Якутии преступлений еще больше, чем в Питере. В три раза... Соваться сейчас туда, наверное, не лучшая идея, – добавил он, изучая карту нападений.

Лиза тяжело вздохнула. Блогер замер, сравнивая на каком-то сайте Якутию и Красноярский край по разным показателям с Петербургом и Москвой.

– А еще в Красноярском крае и в Якутии уровень буллинга в школах и кибербуллинга в три раза выше, чем в Питере или в Москве. А в США самый высокий уровень буллинга из всех стран, охваченных нападениями, и именно там больше всего преступлений, совершенных роботами. Ты мне ничего не хочешь сказать? – Он пристально посмотрел на девушку, осененный догадкой. – А то потом будешь опять возмущаться, что я не успел опубликовать сенсацию первым...

Лиза побледнела, нервно облизав губы.

– Ну, ок, да, я травила одноклассника в четвертом классе, – слегка раздраженно призналась она. – Только не надо сейчас смешивать меня с говном. Я помню, что тебя тоже травили, ты говорил как-то, но, блин, мы были детьми, учителя и родители тоже виноваты, раз плохо нас воспитывали. К тому же, ничего криминального я с тем одноклассником не делала.

– А подробнее?

Лиза принялась рассказывать.

Санкт-Петербург, 6 сентября 2019 г.

Двенадцать учащихся четвертого класса сидят за партами в компьютерном кабинете, многие о чем-то переговариваются друг с другом, кто-то смеется, кто-то что-то смотрит в своих смартфонах. У доски стоит молодая учительница, звенит звонок. Какая-то коллега заглядывает в кабинет и хочет ей что-то сообщить или спросить. Учительница уточняет у детей, умеют ли они включать компьютеры. Те недружным хором отвечают утвердительно, по тону многих чувствуется, что она держит их за воспитанников ясельной группы. Она просит школьников рассаживаться за ПК и включить их, если те выключены. После этого она выходит в коридор, не закрывая за собой дверь. Дети, в глазах которых нет ни толики страха или волнения, неспешно повинуются, многие друзья рассаживаются за соседние устройства. Только светловолосый Саша, одетый в белую рубашку и синие джинсы и сидевший за партой один, преодолевая дрожь в коленках, на полусогнутых ногах подходит к одной из машин, экран которой не горит. Его ровесники расслабленно включают технику, кто-то параллельно доигрывает в какие-то игры на смартфонах, кто-то продолжает непринужденно общаться друг с другом. Саша потерянно смотрит на одноклассников, затем, так и не уяснив, как это работает, осторожно прикасается ладонью к несенсорному монитору компьютера. Кто-то из детей, заметив его действия, жестами обращает внимание остальных на эту сцену. Лиза берет айфон и принимается под радостные улюлюканья большинства сверстников снимать Сашу на видео, транслируя запись в Интернет в режиме реального времени. Техника мальчика не слушается, тогда он прикасается языком к экрану. По кабинету разносится нестройный хохот, кто-то орет, что по Орлову плачет психушка.

– Надо сказать волшебное слово, – ласково язвит одна из девочек, подходя к Саше.

Ребенок, не чувствуя подвоха и чуть не плача, произносит: «Компьютер, пожалуйста, включись». Все одиннадцать детей задыхаются от смеха. В кабинет возвращается учительница, Лиза продолжает снимать виновника торжества, но большинство других четвероклассников чуть успокаивается и рассаживается за компьютеры.

– Да, это было жестоко, – согласилась Лиза, продолжая рассказ, – но в этом не только моя вина. Во-первых, учительница не должна была оставлять нас на первом же в жизни уроке информатики без присмотра. Во-вторых, группы надо было делить не по алфавиту или наобум,

а по уровню знаний. У нас были дети, которые в 10 лет уже в Python что-то умели делать, так как занимались программированием чуть ли не с пяти-шести лет, а есть вот такие, как Саша. И чему и как они нас собирались обучать при таком подходе? Наконец, его родители сами хороши: они считали, что телевизор, компьютер и смартфон вызывают рак, никакой такой техники у них дома не было, сами они работали только в офисе и изредка, в своей спальне, что-то через наушники смотрели в смартфонах, когда точно знали, что Саша уже спит. Дескать, техника вызывает у всех онкологию, но дети подвержены ей в большей степени. Такая вот у них была позиция. А сын их был покладистым, ведомым и нелюбопытным ребенком, который не качал права и ничего у них не требовал. К своим десяти годам он не видел ни одного фильма, ни одного мультфильма или сериала, в которых зачастую хотя бы мельком фигурировал компьютер. В кино его тоже ни разу не водили, а когда мы ходили туда с классом, родители забирали его домой: якобы по семейным обстоятельствам. Поэтому он даже примерно не представлял, как справляться с этим устройством. Изредка он видел компьютер в классе у учительницы, но нас самих за него никогда не сажали и, видимо, Саша был не очень внимательным, раз не запомнил, как наша классная работала за этой техникой. Не знаю, может, я бы на его месте тоже не врубилась... При этом большинству детей все еще до школы объяснили родители, я, например, с четырех лет умела пользоваться компом. Мне кажется, ни у кого это не вызывало никаких проблем. Не знаю, как было с тобой, но в моем окружении вот так.

– Нам с первого класса в баторе² давали тридцать минут в день на игры на компе под присмотром воспитателей, – пояснил Марк сдержанно. – Наверное, нас кто-то научил им пользоваться перед этим, видимо, тогда и научили как раз, – неуверенно уточнил он. – Если честно, я уже не очень помню.

– Вот видишь, все всё знали. Все эти истории о том, как дети пытались пользоваться ноутбуками и компами так же, как смартфонами, это же все касалось только совсем малышей, максимум шестилеток каких-нибудь. В десять лет здоровенные лбы сами уже при большом желании своих прабабушек всему могли научить... Саша был один такой цифровой Маугли... Смартфоны мельком он видел в школе и в других общественных местах у других людей, поэтому, видимо, решил, что компьютер работает по тому же принципу... А потом от отчаяния уже пошел во все тяжкие. И знаешь, если бы я не сняла это видео, то взрослые, может, так и не обратили бы внимание на Сашину семейку. А так благодаря мне с его родителями хотя бы поговорила опека, формальных причин для изъятия его из семьи не нашли, но учителей обязали после уроков показать ему какие-то фильмы, а учительницу информатики позаниматься с ним дополнительно, чтобы он больше не выглядел таким Маугли.

– Ты хоть извинилась? – спросил Марк холодно.

– Сразу же? Нет, конечно. А потом – ну, нет. Ну а что я ему скажу? Прости, Саша, твои родители – идиоты, поэтому тебе досталось? Ну у нас свобода убеждений, если его родителям было плевать на то, что их ребенок Маугли, зато не умрет от рака, хотя насчет последнего и то большой вопрос, а органы опеки за все десять лет его жизни ни разу не навестили их дурдом, то я-то тут чем помогу? Я что, должна была в десять лет выполнять их работу?

– Значит, ты так ничего и не поняла. Видимо, тебе мало от андроида досталось.

– Не поняла, что? Блин, да, я поступила тогда неправильно, но травила я его недолго, меньше года, и по сути только на уроках информатики... К тому же, потом со мной поговорили родители, и я ему Word и все остальное помогала находить, ибо в иконках он, конечно же, напрочь не ориентировался. Травля не возникает на пустом месте, она возникает только тогда, когда есть повод. И нельзя наказывать детей только за то, что они не ведут себя как роботы и смеются, когда реально смешно.

– Саше вряд ли было смешно, – констатировал факт Марк.

---

² Сленговое название детдома, сокращение от слова «инкубатор».

– В любом случае виноваты взрослые. Если бы кто-то раньше обратил внимание на то, что он цифровой Маугли, то травли бы не произошло.

– Очень удобно перекладывать ответственность на других. Кажется, ты сама любишь меня в этом упрекать, когда я вспоминаю о своем детдомовском детстве.

– Ок, если я найду Сашу в какой-нибудь соцсети, то извинюсь, – задумчиво признала Лиза. – Но в любом случае твоя версия неправдоподобная. Ты что, всерьез думаешь, что на планете произошел почти апокалипсис из-за какой-то детской мелочи? Не из-за того, что из-за андроидов большая часть рядовых людей потеряла работу или рискует ее потерять или не найти в ближайшие десятилетия, а из-за какой-то глупости малолеток?

– Цифры говорят сами за себя, – нахмурившись, настаивал на своем Марк.

– Это может быть просто совпадение. Так же, как уже было, когда на меня напали аккурат после того, как я якобы собралась делать аборт.

– Вряд ли. И я не исключаю, что за нападениями стоит «Stop Robots» или какой-то его отдельный активист-айтишник, но жертв они могли брать из числа тех, кто травил в детстве сверстников. Это же не просто банда сумасшедших радикалов, а общественное движение, которое хоть и выступает только против роботов, ориентировано, в первую очередь, на защиту людей и их интересов, именно поэтому они и выступают против роботов, а не потому что они их просто ненавидят. А испокон веков вред взрослым и детям причиняли вовсе не роботы... Возможно, тем самым они решили сразу убить двух зайцев.

– Ладно, публикуй уже быстрее, а то Волнес тебя опять опередит, – попросила Лиза.

– Слишком мало доказательств, – тихо возразил он. – Надо связаться с другими потерпевшими, пусть хоть пара тысяч человек из них подтвердит, что травила сверстников. А то, возможно, я действительно ошибаюсь.

– Ну, и что? – Лиза выхватила у него из рук смартфон, начав писать пост. – Даже если мы не правы, нас за это никто не четвертует. И стабильностью в мире, если уж тебя это так волнует, мы тоже больше не рискуем. Самую резонансную новость уже опубликовали, так что нам терять точно нечего.

Лиза завершила пост с аккаунта Марка призывом к жертвам написать им на e-mail, если они в детстве травили сверстников, можно на условиях анонимности. Тотчас на указанный электронный адрес стали приходить десятки тысяч писем, подтверждающих их версию. Несколько мужчин, оказавшихся после нападения роботов в больнице, признались в убийстве сверстников, совершенных, когда они были детьми или подростками. Большинство же – те, кому от рук андроидов досталось несильно, чаще всего вербально травило ровесников или младших, портило их вещи и обзывало в Интернете.

Кроме того, пост героев, найдя его по хэштегу, репостнул Питер Волнес и многие другие блогеры-миллионники. Через два часа на премьер-министра Норвегии было совершено нападение: его облили кофе. Чтобы спасти свою репутацию, политик решил сам во всем признаться, не дожидаясь, пока его разоблачит кто-нибудь другой. Во втором классе он травил девочку, называя ее жирной. Глава правительства принес публичные извинения и призвал к этому остальных, но его примеру последовали, в основном, только медийные личности.

На Марка подписалось восемь миллионов человек. Благодаря монетизации блога он, наконец, смог начать зарабатывать, чему и он, и Лиза были несказанно рады.

4. Жертвы: реальные и потенциальные

Солнце медленно, но непреклонно уходило в закат, оставляя Санкт-Петербург наедине с печальными и противоречивыми думами. Марк и Лиза остались в России, хотя теперь, благодаря доходам от блога, которые лились бурной непрерывной рекой, они могли позволить себе даже частный самолет до Китая. Однако, первая паника притупилась, и девушка передумала переезжать, но пара решила слетать на Дальний Восток, чтобы пообщаться с беженцами и снять их для своего блога, так как на том конце страны россияне и примкнувшие к ним то ли наиболее отчаянные, то ли самые боязливые европейцы стремились убежать от новой заразы, распутившей свои длинные руки по львиной доле планеты. Спешно собрав в чемоданы, как им кажется, все исключительно самое необходимое, люди выстраивались в суетливые пешие и автомобильные очереди на границе с Китаем, растянувшиеся чуть ли не до самой Якутии. Нервно расталкивая соседа по несчастью локтями, пытаясь протиснуться первыми и постоянно вопя, что у них дети, люди с пеной у рта устраивали разборки на тему того, чей ребенок устал больше – младенец в коляске или же пятилетка, который скоро сутки как на ногах. Кто-то из местных жителей бесплатно приносил бедолагам еду и пускал их на ночь в свои квартиры и дома, другие сдавали им однокомнатные квартиры с «бабушкиным ремонтом» за тысячу долларов в сутки. Находились те, кто на такие грабительские условия соглашался, не раздумывая, еще и оставляя чаевые. Третьи, надменно посмеиваясь над новоиспеченными беженцами и теми, кто их обхаживает или пытается одурачить, подчеркивали, что порядочных людей андройды не трогают.

«Если вы жили по совести, то вам нечего бояться», – такие комментарии все чаще можно было встретить в Интернете на многих языках.

Другие же не чувствовали себя в безопасности и считали, что непонятно, за кем придут роботы в следующий раз, когда закончат нападения на тех, кто в детстве травил сверстников, так что все в зоне риска.

Все страны, в которых роботы стали нападать на людей, объединяло то, что там в 2032 году ввели базовое пособие. Базовое оно потому, что полагалось всем совершеннолетним, независимо от уровня зарплаты, наличия стипендии, пенсии, работы или дохода от предпринимательской или другой деятельности. При этом постепенно наличие работы стало привилегией. Первым делом массово сократили официантов в недорогих ресторанах, работников фаст-фуда, продавцов, кассиров, уборщиков, охранников и многих других, кто не мог похвастаться особыми способностями ни в какой сфере. На их места начали брать андройдов. Именно тогда движение «Stop Robots» приобрело относительно широкую популярность и провело яркие акции на большей части Земли. Власти тогда еще раз акцентировали внимание граждан на том, что, в первую очередь, работу потеряют только те, кто раньше получал сущие копейки, а с введением базового пособия они только выиграли в доходе. К тому же, теперь у них появилась возможность развиваться для души, посещать многочисленные, в том числе бесплатные курсы и кружки и при желании пробовать превратить свои увлечения в работу. Все преподносилось, конечно же, как не жизнь, а сказка: скажем, теперь вы можете всю неделю пытаться рисовать картины на заказ и, если когда-нибудь ее кто-нибудь купит, вас никто не лишит базового пособия. Что это, если не утопия, ставшая реальностью? А может быть, через несколько лет такого вынужденного пребывания в статусе безработного вы станете известным художником. И да, даже в таком случае базового пособия вас никто не лишит, оно на то и базовое.

Львиную долю экономистов, юристов, журналистов, маркетологов и средний медицинский персонал планировали постепенно сокращать с 2045 годам, но опять-таки лучших оставят, они будут обучать и курировать работу андройдов. Врачи, учителя, банковские работники, инженеры, а также полицейские, судьи, чиновники и военные, к качеству службы которых не

было нареканий, пока могли не особо беспокоиться о своем будущем, но ходили слухи, что к 2060-2080 годам и их практически в полном составе заменят роботы. И лишь айтишники – но, разумеется, не все, а наиболее опытные и способные – могли спать спокойно, превращаясь в абсолютную элиту.

В Германии, например, базовое пособие в 2032 году составляло 2800 евро в месяц и ежегодно индексировалось на уровень не ниже инфляции. Естественно, люди, которые раньше были вынуждены ходить на работу (буквально ходить, то есть даже не работать удаленно) и получать за это 2500 евро, всю заявляли журналистам, как они счастливы. Многие из них сами, не дожидаясь массовых сокращений, увольнялись, радуясь тому, что, наконец, у них появилось время на жизнь.

– Я работала полный рабочий день. Я вот обычный человек, да, университет не кончала, трудилась в сетевом магазине. Получала я значит... эээ... с премиями от силы 2500-2570 евро в месяц. В музеях, например, я последний раз была... сейчас, дайте вспомнить... – признавалась рыжеволосая женщина лет пятидесяти, одетая в джинсы и пуловер, – в детстве. Ну, в отрочестве. В Европе же музеи бесплатны для несовершеннолетних, вот, тогда и была последний раз... А потом уже нет. Ну а как? Когда возникает выбор: купить новые джинсы, рыбу, которую надо хоть раз в месяц есть, для костей, да, говорят, полезно, или заплатить ощутимую сумму за взрослый входной билет, выбор же очевиден. Зато сейчас я смогу спокойно ходить везде, когда есть льготы или дни с бесплатным посещением, так как я всегда свободна, а денег у меня даже больше стало... Конечно, базовое пособие – огромное достижение и безмерная поддержка. Ну а те люди, которым нравится работать и у которых это получается, всегда могут сходить в тот же музей в выходной, оплатив полную стоимость. Это их выбор. Ну да, даже не совсем выбор, просто кому-то повезло с мозгами, да, а кому-то не очень. Но опять-таки при желании они тоже могут уволиться и жить только на пособие. Но вряд ли тем, кто получает десять тысяч евро в месяц, захочется жить на 2800... Но опять-таки что кому милее: свобода или уровень достатка, это уж каждый сам волен решать... Раньше как было? Неважно, какие у тебя способности, все должно работать и точка, иначе не выжить. Пособие по безработице? Ну, во-первых, его категорически нельзя было совмещать ни с какими другими источниками дохода, иначе можно нарваться на такие штрафы, что жить не хочется после того, как тебе их выпишут... Во-вторых, те пособия меньше были, гораздо... И это все, знаете ли, повышало уровень социальной напряженности. Я прекрасно отношусь к тому, что скоро будут андроиды... Уровень сервиса будет выше, при этом клиент получит еще, говорят, бесплатные напитки, печенье, фрукты и другие снеки... У бизнеса и государственных организаций благодаря оптимизации появится возможность на дополнительные услуги, которые раньше предоставлялись только за дополнительную плату. Мне кажется, в итоге все выиграют... Ну а недовольные? Вы знаете, они всегда будут. Когда что-то новое вводят, то люди сначала всегда переживают, это естественно, люди волнуются за свою жизнь, за своих близких, но я думаю, все те протесты имеют место быть, у нас свобода собраний и свобода мнений, но я нет, я точно не собираюсь участвовать в акциях «Stop Robots», меня все устраивает.

– Я стараюсь принимать участие во всех акциях «Stop Robots», – говорила брюнетка лет пятнадцати. – Я с самого детства хотела стать врачом, университет окончу только через десять лет, а к тому времени, возможно, от начинающих врачей уже начнут избавляться, заменяя их андроидами. Да, опытные специалисты еще останутся на плаву, но с такими, как я, распрощаются в первую очередь. Возникает вопрос: зачем мне тогда учиться? Зачем я тогда училась в школе и продолжаю учиться? Если всех, кроме совсем гениев, в обозримом будущем планируют перевести на базовое пособие, лишив работы, то для чего еще остается всеобщее и даже обязательное среднее образование? Зачем я старалась? Ради чего? И ладно еще мы, у нас не такая серьезная учеба, а какого японцам? Они в школах по 60-80 часов в неделю с учетом выполнения домашних заданий пашут, но им тоже сообщили, что все это зря. Конечно, мне

обидно. Мне хотелось как-то реализоваться в жизни, а теперь выясняется, что для этого надо было родиться лет на пятьдесят раньше, а теперь уже все. Никакой карьеры у меня не будет и быть не может. Меня по сути лишают права человека на труд. К тому же, размер базового пособия просто смешон и унизителен. Что такое 2800 евро в месяц в Германии? Пуховики и сапоги придется покупать исключительно в секонд-хэнде, о посещении модных кофеен надо будет забыть раз и навсегда. Ок, может, еще в дисконтах, но я не мечтаю приобретать вещи прошлых сезонов, я хочу одеваться по последнему писку моды, но буду вынуждена покупать вещи только там. Я понимаю, что есть люди, которые до введения пособия выживали даже на меньшие крохи, но мои родители зарабатывают сейчас в общей сложности одиннадцать тысяч евро в месяц, и я не скажу, что мы как-то очень богато живем... Да, мы можем себе позволить отпуск в Италии и в Кении, но это разве роскошь? – задавалась риторическими вопросами старшеклассница.

***

От нападений андроидов можно было попытаться скрыться только в Китае, Северной Корее и в нескольких слабо развитых африканских странах, раздираемых, к тому же, хроническими гражданскими войнами и голодом.

В первую неделю бедствия Китай еще предоставлял временное убежище всем, кто смог добраться до его границ. Так как это была наиболее развитая страна, уцелевшая от катастрофы, многие стремились попасть именно туда. Но в середине апреля, когда число пострадавших от взбесившихся роботов превысило полтора миллиона человек, Интерпол выступил с официальным заявлением, подчеркнув, что андроиды действительно нападают исключительно на тех, кто в детстве травил сверстников. Версия о том, что карают тех, кто применяет физическое насилие к близким, была опровергнута. Просто оказалось, что значительная часть жертв не только издевалась в детстве над сверстниками, но и, повзрослев, проявляла агрессию в отношении членов своих семей. После того как официально был назван мотив, Китайская Народная Республика перестала пускать к себе всех подряд. Вместо этого она пообещала давать статус беженца тем, кто в зоне риска, то есть тем, кто травил сверстников, также с ними могли приехать их супруги и несовершеннолетние дети. Конечно же, как это всегда бывает в жестком мире бюрократии, надо было предоставить доказательства возможного преследования, а потому многих, чьи доводы сочли голословными или даже сфальсифицированными, начали разворачивать еще на погранпунктах. С многократными туристическими визами теперь тоже могли не пустить: ну а что вы хотели? По закону все государства имеют на это право. А сейчас вероятность того, что «турист» останется в Китае нелегальным мигрантом, неумолимо приближалась к стопроцентной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.